

Девушка и Смерть / сказка

Category: Goşgular, Kitarcy

написано kitarcy | 26 января, 2025

Девушка и Смерть / сказка ДЕВУШКА И СМЕРТЬ

I.

По деревне ехал царь с войны.
Едет – черной злобой сердце точит.
Слышит – за кустами бузины
Девушка хохочет.
Грозно брови рыжие нахмуря,
Царь ударил шпорами коня,
Налетел на девушку, как буря,
И кричит, доспехами звеня:
«Ты чего, - кричит он зло и грубо, -
Ты чего, девчонка, скалишь зубы?
Одержал враг надо мной победу,
Вся моя дружина перебита,
В плен попала половина свиты,
Я домой, за новой ратью еду,
Я – твой царь, я в горе и обиде, -
Каково мне глупый смех твой видеть?»

Кофточку оправя на груди,
Девушка ответила царю:
«Отойди, - я с милым говорю!
Батюшка, ты, лучше, отойди».

Любишь, так уж тут не до царей, -
Некогда беседовать с царями!
Иногда любовь горит скорей
Тонкой свечки в жарком божьем храме.

Царь затрясся весь от дикой злости,

Приказал своей покорной свите:
«Ну-те-ко, в тюрьму девчонку бросьте,
Или, лучше, - сразу удавите!»
Исказив угодливые рожи,
Бросились к девице, словно черти,
Конюхи царевы и вельможи, -
Предали девицу в руки Смерти.

II.

Смерть всегда злым демонам покорна,
Но в тот день она была не в духе, -
Ведь весной любви и жизни зерна
Набухают даже в ней, старухе.
Скучно век возиться с тухлым мясом,
Истреблять в нем разные болезни;
Скучно мерять время смертным часом –
Хочется пожить побесполезней.
Все, пред неизбежной с нею встречей,
Ощущают только страх нелепый, -
Надоел ей ужас человеческий,
Надоели похороны, склепы.
Занята неблагодарным делом
На земле и грязной, и недужной.
Делает она его умело, -
Люди же считают Смерть ненужной.
Ну, конечно, ей обидно это,
Злит ее людское наше стадо,
И, озлясь, сживает Смерть со света
Иногда не тех, кого бы надо.
Полюбить бы Сатану ей, что ли,
Подышать бы вволю адским зноем,
Зарыдать бы от любовной боли
Вместе с огнекудрым Сатаню!

III.

Девушка стоит пред Смертью, смело

Грозного удара ожидая.
Смерть бормочет, - жертву пожалела:
«Ишь ты, ведь, какая молодая!
Что ты нагрубил там царю?
Я тебя за это уморю!»-
«Не сердись, - ответила девица, -
За што на меня тебе сердиться?
Поцеловал меня впервые милый
Под кустом зеленой бузины, -
До царя ли мне в ту пору было?
Ну, а царь, на грех, бежит с войны,
Я и говорю ему, царю,
Отойди, мол, батюшка, отсюда!
Хорошо, как будто, говорю,
А – гляди-ко, вышло-то как худо!
Что ж?! От Смерти некуда деваться.
Видно, я умру, не долюбя.
Смертушка! Душой прошу тебя –
Дай ты мне еще поцеловаться!»
Странны были Смерти речи эти, -
Смерть об этом никогда не просят!
Думает: «Чем буду жить на свете,
Если люди целоваться бросят?»
И на вешнем солнце кости грея,
Смерть сказала, подманив змею:
«Ну, ступай, целуйся, да – скорее!
Ночь – твоя, а на заре – убью!»
И на камень села, - ожидает,
А змея ей жалом косу лижет.
Девушка от счастья рыдает,
Смерть ворчит: «Иди, скорей, иди же!

IV.

Вешним солнцем ласково согрета,
Смерть разула стоптанные лапти,
Прилегла на камень и – уснула.

Нехороший сон приснился Смерти!
Будто бы ее родитель, Каин,
С правнуком своим – Искариотом,
Дряхленькие оба лезут в гору, -
Точно две змеи ползут тихонько.
«Господи!»- угрюмо стонет Каин,
Глядя в небо тусклыми глазами.
«Господи!»- взывает злой Иуда,
От земли очей не поднимая.
Над горою, в облаке румянном
Возлежит господь, - читает книгу:
Звездами написана та книга,
Млечный путь – один ее листочек.
На верху горы стоит архангел,
Снопик молний в белой ручке держит.
Говорит он путникам сурово:
«Прочь идите! Вас господь
не примет!»
«Михаиле!- жалуется Каин, -
Знаю я – велик мой грех пред миром!
Я родил убийцу светлой Жизни,
Я отец проклятой, подлой Смерти!»-
«Михаиле!- говорит Иуда, -
Знаю, что я Каина грешнее,
Потому что предал подлой Смерти
Светлое, как солнце, божье сердце!»
И взывают оба они, в голос:
«Михаиле! Пусть господь хоть слово
Скажет нам, хоть только пожалеет –
Ведь прощенья мы уже не молим!»
Тихо отвечает им архангел:
«Трижды говорил ему я это,
Дважды ничего он не сказал мне,
В третий раз, качнув главою, молвил:
«Знай, - доколе Смерть живое губит,
Каину с Иудой нет прощенья.
Пусть их тот простит, чья сила может

Побороть навеки силу Смерти».
Тут Братоубийца и Предатель
Горестно завывали, зарыдали
И, обнявшись, оба покатались
В смрадное болото под горою.
А в болоте бесятся, ликуя,
Упыри, кикиморы и черти
И плюют на Каина с Иудой
Синими, болотными огнями.

V.

Смерть проснулась около полудня,
Смотрит, - а девица не пришла!
Смерть бормочет сонно: «Ишь ты, блудня!
Видно ночь-то коротка была!»
Сорвала подсолнух за плетнем.
Нюхает, любуется, как солнце
Золотит живым своим огнем
Лист осины в желтые червонцы.
И на солнце глядя, вдруг запела
Тихо и гнусаво, как умела:
«Беспощадною рукой
Люди ближнего убьют
И хоронят. И поют:
«Со святыми упокой!»
Не пойму я ничего! -
Деспот бьет людей и гонит,
А издохнет – и его
С той же песенкой хоронят!
Честный помер или вор –
С одинаковой тоской
Распекает грустный хор:
«Со святыми упокой!»
Дурака, скота иль хама
Я убью моей рукой,
Но для всех поют упрямо:

«Со святыми упокой!»

VI.

Спела песню – начинает злиться,
Уж прошло гораздо больше суток,
А – не возвращается девица.
Это – плохо. Смерти – не до шуток.
Становясь все злее и жесточе,
Смерть обула лапти и онучи
И, едва дождавшись лунной ночи,
В путь идет, грозней осенней тучи.
Час прошла и видит: в перелеске,
Под росистой молодой орешней
На траве атласной, в лунном блеске
Девушка сидит богиней вешней.
Как земля гола весною ранней.
Грудь ее обнажена бесстыдно.
И на коже шелковистой, ланьей
Звезды поцелуев ярко видны.
Два соска, как звезды, красят грудь,
И – как звезды – кротко смотрят очи
В небеса, на светлый Млечный путь,
На тропу синеволосой ночи.
Под глазами голубые тени,
Точно рана – губы влажно алы.
Положив ей голову в колени,
Дремлет парень, как олень усталый.
Смерть глядит, и тихо пламя гнева
Гаснет в ее черепе пустом.
«Ты чего же это, словно Ева,
Спряталась от бога за кустом?»
Точно небом – лунно-звездным телом
Милого от Смерти заслоня,
Отвечает ей девица смело:
«Погоди-ка, не ругай меня!
Не шуми, не испугай беднягу,

Острою косою не звени!
Я сейчас приду, в могилу лягу.
А его – подольше сохрани!
Виновата, не пришла я к сроку,
Думала – до Смерти недалеко.
Дай еще парнишку обниму:
Больно хорошо со мной ему!
Да и он – хорош! Ты погляди,
Вон какие он оставил знаки
На щеках моих и на груди.
Вишь, цветут, как огненные маки!»
Смерть стыдясь тихонько засмеялась:
«Да, ты будто с солнцем целовалась.
Но – ведь у меня ты не одна, -
Тысячи я убивать должна!
Я ведь честно времени служу,
Дела – много, а уж я – стара,
Каждую минутой дорожу,
Собирайся, девушка, пора!»
Девушка – свое:
«Обнимет милый,
Ни земли, ни неба больше нет.
И душа полна нездешней силой,
И горит в душе нездешний свет.
Нету больше страха пред Судьбой
И ни бога, ни людей не надо!
Как дитя – собою радость рада,
И любовь любит себя собой».
Смерть молчит задумчиво и строго,
Видит – не прервать ей этой песни!
Краше солнца – нету в мире бога,
Нет огня – огня любви чудесней!

VII.

Смерть молчит, а девушкины речи
Зависти огнем ей кости плавят,

В жар и холод властно ее мечут,
Что же сердце Смерти миру явит?
Смерть – не мать, но – женщина, и в ней
Сердце тоже разума сильней;
В темном сердце Смерти есть ростки
Жалости и гнева, и тоски.
Тем, кого она полюбит крепче,
Кто ужален в душу злой тоскою,
Как она любовно ночью шепчет
О великой радости покоя!
«Что ж, - сказала Смерть, -
пусть будет чудо!
Разрешаю я тебе – живи!
Только я с тобою рядом буду,
Вечно буду около Любви!»

С той поры Любовь и Смерть, как сестры,
Ходят неразлучно до сего дня,
За любовью Смерть с косою острой
Ташится повсюду, точно сводня.
Ходит, околдована сестрою,
И везде – на свадьбе и на тризне
Неустанно, неуклонно строит
Радости Любви и счастье Жизни.

М.Горький. Стихотворения. Москва: Советский писатель, 1947.
Goşgular